

УДК 94(47).04=161.1(051)"+(470+571)

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/50-58>

НА ПУТИ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: «ДВОЕНАЧАЛИЕ» В РУССКОМ ПРАВЕ И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ОБЩЕРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – КОНЦЕ XVI ВЕКА

А. В. Пенской

Адвокатская палата Белгородской области

TOWARDS CENTRALIZATION: «DUAL BEHAVIOR» IN RUSSIAN LAW AND THE PROBLEM OF CREATING A NATIONAL RUSSIAN LEGISLATION IN THE SECOND HALF OF THE 15TH – END OF THE 16TH CENTURIES

A. V. Penskoj

Bar Chamber of the Belgorod Region

Аннотация: в исторической традиции устоялось наименование образовавшегося во 2-й половине XV в. Русского государства «централизованным». Вместе с тем четкого и недвусмысленного определения сущности этого термина в отечественной исторической литературе нет, а имеющиеся определения носят расплывчатый и туманный характер. Эта неопределенность связана с тем, что сама по себе «централизованность» представляет собой сложный и многоплановый политико-правовой феномен, и процессы централизации власти на разных уровнях протекали с разной скоростью. Раннемодерные государства по этой причине являлись недоцентрализованными. Автор статьи доказывает этот тезис на примере «двоеначалия» русского права в эпоху «долгого XVI в.» (середина XV – середина XVII в.). В это время коронное право сосуществовало с обычным правом. При этом обычное право по своей значимости не уступало праву коронному. Это было связано с институциональной слабостью раннемодерного государства. Не обладая развитой «мускулатурой» власти, оно было вынуждено искать поддержки «снизу». Эта вынужденная необходимость способствовала консервации традиционной правовой культуры и обычного права как ее неотъемлемого компонента. В результате правовое поле раннемодерных государств, в том числе и Русского, на деле представляло собой сшитое на скорую руку «лоскутное одеяло». И до тех пор, пока такое положение сохранялось, говорить о завершенности процессов централизации преждевременно.

Ключевые слова: раннее Новое время, государство, право, реформы, традиция, централизация, закон, обычай, Россия.

Abstract: in the historical tradition, the name of the Russian state formed in the second half of the 15th century has become established as «centralized». At the same time, there is no clear and unambiguous definition of the essence of this term in Russian historical literature, and the existing definitions are vague and nebulous. This uncertainty is due to the fact that «centralization» itself is a complex and multifaceted political and legal phenomenon, and the processes of centralization of power at different levels proceeded at different speeds. For this reason, early modern states were under-centralized. The author of the article proves this thesis using the example of the «dual authority» of Russian law in the era of the «long 16th century» (mid-15th – mid-17th centuries). At that time, crown law coexisted with customary law. At the same time, customary law was not inferior in importance to crown law. This was due to the institutional weakness of the early modern state. Lacking the developed «muscles» of power,

it was forced to seek support «from below». This forced necessity contributed to the conservation of traditional legal culture and customary law as its integral component. As a result, the legal field of early modern states, including the Russian one, was in fact a hastily stitched «patchwork quilt». And as long as this situation persisted, it was premature to talk about the completion of centralization processes.

Key words: Early Modern, state, law, reforms, tradition, centralization, lex, custom, Russia.

Почти 30 лет назад отечественный историк А. А. Смирнов, анализируя процессы формирования Русского государства, высказал любопытный тезис. По его мнению (с которым трудно не согласиться), «военная централизация была достигнута гораздо раньше, чем политическая или экономическая, – уже при Иване III»¹. Мысль любопытная и неординарная, однако не получившая в отечественной исторической и историко-правовой науке дальнейшего развития. Между тем, если взять ее на вооружение и попробовать расширить поле зрения и обратиться к другим аспектам формирования пресловутого централизованного государства на Руси, не только к политическим, военным или экономическим, то нетрудно будет заметить, что эта «централизация» вовсе не завершилась при Иване III. Да и при его сыне Василии и внуке Иване ее тоже нельзя полагать полностью завершенной. Если рассматривать процесс централизации как многоуровневый и разноплановый, то этот процесс растянулся на длительный период, фактически на весь русский «долгий XVI век (который, как отмечал французский историк Ф. Бродель, захватывает время с середины XV по середину XVII в.², а для России укладывается в промежуток времени между окончанием феодальной усобицы 2-й четв. XV в. и принятием Соборного уложения 1649 г.). Незавершенность процессов централизации Русского государства в это время была связана, помимо всего прочего, и с незавершенностью формирования единого юридического поля на его территории, сохранением множества пережитков правовой «старины», что вело неизбежно к складыванию своеобразного «лоскутного» и многослойного его вида.

Такой тезис на первый взгляд может показаться противоречащим тому, что знаем мы едва ли не со школьной скамьи. Классическая форму-

ла, определяющая сущность централизованного государства, гласит, что «образование централизованного государства включало в себя два взаимосвязанных процесса: **формирование единой государственной территории за счет объединения русских земель** и установление **реальной власти** единого монарха над всей этой территорией (выделено мной. – А. П.)...»³. Для сравнения – тридцатью пятью годами ранее, в 1949 г., видный отечественный историк К. В. Базилевич в своей программной статье так характеризовал фундаментальные признаки централизованного государства: «Основными признаками централизованного государства являются центральные органы управления, распространяющие свое действие на всю территорию страны; развитие общего законодательства, которое поглощает или отменяет местные законы; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частных иммунитетных прав, единая организация военных сил, непосредственно подчиненных верховной власти»⁴.

Сопоставляя два этих определения, краткое в первом случае и пространное во втором, нетрудно заметить, что отечественная наука за эти годы свой подход к проблеме практически не изменила. Вопрос считался решенным, и, как отмечал санкт-петербургский историк А. И. Филюшкин, «несмотря на общепризнанность концепции РЦГ (Русское централизованное государство. – А. П.), в отечественной науке так и не было дано четкого определения, что же из себя представляло единое Русское государство в институциональном плане. Попытки решения этой проблемы предпринимались в основном в историко-правовой сфере, где ученые оперировали терминами «монархия», «абсолютная монархия», «сословно-представительная монархия». Что же касается организации государственного

¹ Смирнов А. А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35. Ср.: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 433–434.

² См., например: Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. London, 1974. Vol. II. P. 893–895.

³ Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 8.

⁴ Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 71.

тела России XV–XVI вв., то авторы полагали, что определения «единое» или «централизованное» вполне достаточно. Под этим понималось прежде всего государство, унифицированное в административном и институциональном плане, хотя историки тут же делали массу оговорок о «недоразвитости» того или иного института...»⁵.

Следовательно, если попытаться обобщить сказанное выше и обозначить ключевые характеристики Русского государства в его завершённом виде как централизованного, то его определение принимает следующий вид – это политическое образование, унифицированное в административном и институциональном плане, обладающее четко очерченной территорией, на которую распространяется власть великого князя, и закон, выражающий его волю, един для всех на всей этой территории. Эту картину ярко и образно выразил немецкий авантюрист Г. Штаден в своих «Записках о Московии». По его словам, Иван IV, «добился того, так как по всей Русской земле, т. е. под его державой, единая вера, единый вес, единая мера, что он один и правит, что всё, что он велит, должно свершиться, а от всего, что он запретит, следует отказаться»⁶. Одним словом, если принять на веру слова Штадена, Иван сумел добиться практической реализации известного французского выражения: «Un Dieu, un Roy, une Foy, une Loy». Установив на всей территории Русского государства не только одну веру и одну меру, но и один закон, первый русский царь завершил дело, начатое его прадедом, делом и отцом и довел до конца дело централизации на Руси. Но так ли это на самом деле?

Прежде чем ответить на этот вопрос, приведем мнение австралийского историка Р. Скрибнера, который отмечал, что традиционно, изучая историю государства и права в эпоху раннего Нового времени, исследователи концентрируют свое внимание на институциональной стороне вопроса, на анализе особенностей прескриптивного права. При этом они намного меньше уделяют изучению того, с какими реальными трудностями и проблемами сталкивается государство, преследуя свои цели⁷. Между тем, как отмечала

американский русист Н. Коллман, в последние десятилетия обозначился поворот к изучению именно этой практической стороны государственного строительства в эпоху раннего Нового времени – т. е. тогда, когда как раз и складывались повсеместно политические образования, которые принято именовать централизованными: «Примерно с 1970-х гг. историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю), анализируя стратегии управления, централизации и формирования суверенитета». При этом одним из направлений, в которых велись и продолжают проводиться эти исследования, продолжала она, стало изучение так называемых «жил власти» («*sinews of power*»), которые включали в себя не только новые налоги и бюрократические структуры и институты, но и новые кодификации законов и судебные системы⁸. Таким образом, проблемы, связанные с развитием законодательства и судебных практик в раннее Новое время, входят в число приоритетных тем для современных исследований в области изучения истории раннемодерных государств и права.

Исследования в этой области дали любопытные и неожиданные результаты, которые показывают, что на деле между политической, административной и юридической повседневностью, с одной стороны, теорией и декларациями в раннее Новое время – с другой, существовала дистанция, которая, конечно, со временем сокращалась, но так и не была полностью преодолена. Главный вывод, к которому пришли исследователи – не следует преувеличивать силу централизующихся государств⁹. Почему? Ответ на этот вопрос дает, к примеру, отечественный исследователь К. В. Петров. В ряде своих работ он подчеркивал, что раннемодерное государство было слабым институционально. И его возможности влиять на общество, принуждать своих подданных действовать так, как нужно ему, навязывать им свою волю были ограничены¹⁰. На

Sixteenth-Century Württemberg // *Politics and Society in Reformation Europe. Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday* / eds. E. I. Kouri, Tom Scott. London, 1987. P. 103.

⁸ См.: Kollmann N. S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, 2012. P. 1.

⁹ См.: Kollmann N. S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, 2012. P. 2.

¹⁰ См.: Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник

⁵ Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. 2009. Вып. 2. С. 5.

⁶ Штаден Г. фон. Записки о Московии. М., 2008. Т. I: Публикация. С. 203, 205.

⁷ См.: Scribner R. W. *Police and the Territorial State in*

это же обстоятельство указывал и ряд зарубежных историков, которые отмечали, что отношения верховной власти, персонифицированной в образе монарха, и влиятельных местных элит, корпораций, общин и т. п. строились не только и не столько на насилии, сколько на компромиссе и переговорах¹¹.

Впрочем, иначе и быть не могло в условиях, когда суверенность верховной власти носила преимущественно обращенный наружу характер, тогда как внутри страны она в значительной степени сохраняла свой традиционный средневековый «фрагментированный» (Ч. Тилли¹²) вид. Эта фрагментированность, обусловленная институциональной слабостью верховной власти, неразвитостью ее «мускулатуры», неизбежно вела к тому, что, как отмечал К. Борки, государство было вынуждено «делить контроль с разнообразными посредническими организациями и с провинциальными элитами, религиозными структурами, органами местного самоуправления и другими многочисленными привилегированными институтами»¹³. В результате, подчеркивал академик Н. Н. Покровский, политическая система в раннемодерных государствах, и в России в том числе, имела бинарную структуру, «государство» – «общество», и, не имея возможности в своих действиях доходить до конкретной личности, власть вынуждена была опираться так или иначе на те самые посреднические структуры в лице первичных социальных общностей. Однако, оказывая поддержку верховной власти, эти первичные социальные общности рассчитывали, и не без оснований, на определенную взаимность с «той» стороны. На практике же это означало, как отмечал исследователь, что эти первичные социальные общности обладали политической субъектностью и могли оказывать влияние на верховную власть, отстаивая свои интересы и привилегии¹⁴.

1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.» // Очерки феодальной России. Вып. 12. М. ; СПб., 2008. С. 376.

¹¹ См., например: *Brewer J., Hellmuth E. Introduction // Rethinking Leviathan : the Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, 1999. P. 12.*

¹² См.: *Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Oxford, 1990. P. 21.*

¹³ *Barkey K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, 2008. P. 10.*

¹⁴ См.: *Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 5–6.*

Эта политическая субъектность имела самое непосредственное отношение к сохранению «недоцентрализации» в правовой сфере. Приведем одно любопытное наблюдение, сделанное в свое время русским историком Н. П. Павловым-Сильванским. Он писал, что **«существо средневековой общины ... заключается не в общинном землевладении, а в самоуправлении (выделено мной. – А. П.)...»**. Сущность же этого самоуправления, продолжал далее свою мысль исследователь, состояла в том что «в основе этого мирского самоуправления лежит территориальная власть мира на землю, связывающая нескольких собственников в одно сплоченное целое и обуславливающая все их права и обязанности по отношению к миру». И далее следовал важный для нас тезис: «Из этой высшей территориальной власти общины проистекает ее право на лиц, владеющих участками общинной земли, **в отношении дани и в отношении суда и расправы** (выделено мной. – А. П.)...»¹⁵.

Итак, политическая субъектность местных социумов, тех самых первичных социальных ячеек в лице всякого рода «корпораций» (крестьянские и городские общины, дворянские сообщества и пр.) заключалась прежде всего в том, что они решали фискальные вопросы и отвечали за суд и расправу на своем локальном уровне. Однако это непременно вело к тому, что здесь, на местах, в провинции, сохранялись местные же юридические обычаи, правовая «старина», переменить которую верховная власть оказывалась не в силах в силу ряда вполне объективных обстоятельств. Во-первых, в силу упомянутой выше институциональной слабости она не обладала необходимым административным ресурсом, чтобы заменить обычное право коронным (хотя, безусловно, и стремилась это сделать). Во-вторых, не меньшим препятствием на пути замены «старины» нормами «княжого» права был настрой «земли». Государство и его персональное воплощение в лице монарха могло более или менее успешно выполнять свои функции только в том случае, если «земля» гарантировала ему свою лояльность. Эта же лояльность, по замечанию Н. Коллманн, зависела от того, насколько монарх соответствует тем требованиям, которые предъявляло к нему, как к истинному, «прямому» государю, общество: «Легитимность

¹⁵ *Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 200, 201.*

основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе»¹⁶.

Наконец, сами правители, воспитанные в традиционном обществе в традиционном же духе, не были склонны с ходу отказываться от привычной и позволявшей более или менее исправно функционировать формирующемуся государственному механизму «старины», предпочитая улучшать ее постепенно, малыми шагами (и под предлогом возвращения порушенной при предшественниках традиции). Характерным в этом отношении было выступление Ивана IV перед церковными иерархами на знаменитом Стоглавом соборе – молодой царь, обращаясь к собравшимся, заявил буквально следующее: «Благословися есми у вас тогды же Судебник **исправити по старине** (выделено нами. – А. П.)...», и далее – «а которые обычеи в прежние времена после отца нашего, великого князя Василия Ивановича всея Руси, и до сего настоящего времени поизшаталися или в самовластии учинено по своим волям или в **предние законы, которые порушены или ослабно дело** (выделено мной. – А. П.)...»¹⁷.

Таким образом, Иван полагал, что для восстановления законности и правосудия необходимо вернуть «старину» времен его отца и деда, которая была «порушена» боярским самовластием в годы его малолетства. Любопытное наблюдение, анализируя выступление царя перед соборными отцами, сделал отечественный историк М. М. Кром. Он писал, что «идеалы царя и его советников сугубо консервативны и пронизаны христианской моралью», почему «в этом контексте радикальный разрыв с прошлым был просто невозможен: новое допускалось лишь под видом «возврата» к обычаям предков и путем постепенного изменения («исправления») сложившегося порядка»¹⁸.

В результате сплетения всех этих факторов сложилась ситуация, оказавшаяся весьма устойчивой к внешним воздействиям, когда одно-

временно действовали (и взаимодействовали) сразу две системы права – коронная, опиравшаяся на писанные правовые нормы, и вполне традиционная, опиравшаяся на неписаное, обычное право. Русский историк-правовед А. Н. Филиппов характеризовал эту двойственность, сложившуюся в эпоху Средневековья и продолжившую свое существование в московский период развития русской государственности права, следующим образом. В Русской земле в эти столетия «действует *двоеначалие*: рядом с законодательной властью, нормирующей правовые отношения, действует, как творческая сила, и обычное право народа»¹⁹. При этом, что любопытно, на протяжении долгого времени обычное, «земское», право доминировало над коронным, «княжим».

Смещение баланса в системе правового «двоеначалия» в сторону «земского» права и сохранение этого перекаса на протяжении долгого времени было обусловлено рядом объективных и субъективных обстоятельств. Отечественный медиевист А. Я. Гуревич, характеризуя особенности правовой культуры эпохи Средневековья, отмечал, что «**писаное средневековое право отличалось крайней фрагментарностью и неполнотой, оно не систематизировано, многие стороны жизни не нормированы законодательно** (выделено нами. – А. П.)...», почему само собой выходило так, что «руководствоваться в жизни можно и нужно было не только статьями конкретных законов и предписаний, но и нормами, нигде не зафиксированными и, тем не менее, соответствующими понятию справедливости и правопорядка»²⁰.

Эта фрагментированность и неполнота писаного «княжого» права, столь характерные для средневекового права и унаследованные от него правом раннемодерным, были обусловлены не в последнюю очередь особенностями развития средневековой культуры – с ее четким разделением на образованных *literati* и необразованных *illiterate*. На Руси это разделение усугублялось еще и отмеченным британским славистом С. Франклиным замедленным развитием «формальной» письменности, востребованной именно в административно-правовой сфе-

¹⁶ Kollmann N. S. Op. cit. P. 416.

¹⁷ Стоглав. Текст. Словоуказатель. М. ; СПб., 2015. С. 53, 54.

¹⁸ Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 162.

¹⁹ Филиппов А. Н. Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. 1886. Год 7. 9. XIII. С. 58–59.

²⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 150.

ре. Консервативное и патриархальное русское общество, всецело принадлежащее к аграрным обществам «Первой волны» (Э. Тоффлер), вполне удовлетворенное эффективностью привычных механизмов социальной регуляции, не испытывало острой необходимости в замене их на иные²¹. Свою роль в этом сыграло и отмеченное В. М. Живовым отсутствие «римской прививки» – с соответствующим легальным дискурсом, социальными, административными, правовыми и иными институциями²². В итоге, как отмечал К. В. Петров, «в представлениях людей той эпохи именно (правовой) обычай имел безусловный авторитет», и даже верховная власть, которая в рамках письменной традиции наделялась огромной властью (и ответственностью)²³, принимала это и, как подметил М. А. Дьяконов, не только исключала действие обычая, но сама ставила себя под его защиту и санкцию²⁴.

Не забудем при этом также и другую особенность правовой культуры той эпохи, на которую обращал внимание уже упомянутый выше А. Я. Гуревич: «Поскольку средневековое общество в значительной мере оставалось бесписьменным и ни крестьяне, ни значительная часть феодалов не была грамотна, то для них писанные законы вообще имели мало смысла. Поэтому даже тогда, когда многие положения права были зафиксированы, на практике сообразовывались не столько с буквой закона, сколько с духом обычая. Руководствовались памятью о том, как в подобных случаях поступали прежде, как толкуют право знающие люди»²⁵. Для Руси, с ее неразвитой (по сравнению с латинским Западом) городской культурой, это обстоятельство имело немаловажное значение.

²¹ См.: *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*. Cambridge, 2004. P. 185, 277. Ср.: *Clanchy T. M. From Memory to Written Record*. England 1066–1307. Oxford, 1993. P. 41.

²² См.: *Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема*. Postscriptum // *Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. М., 2002. С. 296.

²³ См., например: *Витлин В. Э. В поисках идеала: представления о власти государя в русской публицистике первой трети XVI в. М.; СПб., 2021. С. 138*; *Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности*. СПб., 2010. С. 19.

²⁴ См.: *Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси*. СПб., 2005. С. 155.

²⁵ *Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 152.*

Устойчивости и воспроизводимости «двоячалая» русского права в эпоху раннего Нового времени способствовала и отмеченная Ю. Г. Алексеевым его характерная черта. В своем исследовании о Судебнике Ивана III он отмечал, что «Судебник определяет общие нормы, уставные грамоты учитывают местные особенности, “пошлину”, “старину”»; и далее еще одно важное замечание: «Централизация не исключает внимания к местным конкретным реалиям – в этом одна из особенностей судебно-административной системы, создаваемой Судебником»²⁶. Такое «распределение обязанностей» между коронным, «княжим», и обычным, «земским», правом было обусловлено тем, что, как справедливо отмечал К. В. Петров, они регулировали разные общественные отношения. Первое, образно говоря, устанавливало правила игры (а государство брало на себя обязанность следить за тем, чтобы участники ее соблюдали эти правила), а второе наполняло эти правила реальным содержанием, исходя и применяясь к местным реалиям и условиям.

Наконец, last but not least, памятуя о той важной роли, которую играла «земля» в управлении государством, о сохранении ею немалой доли политической и иной субъектности, в том числе и в правовой сфере, отметим еще одну важную в социальном и политическом отношениях роль обычного права, о которой писал А. Я. Гуревич. По его словам, с которыми трудно не согласиться, «уступая закону, писаному праву в стройности, систематичности, недвусмысленности и законченности, **обычай** оказывался творческим фактором средневекового права, **был средством, дававшим возможность самым различным слоям и группам общества участвовать в выработке и истолковании права** (выделено мной. – А. П.)...»²⁷. На практике это вело к тому, что те самые первичные социальные общности, всякого рода «общины»-«корпорации», о которых шла речь выше, на деле могли реализовывать свое право на самоуправление (которое они полагали своей законной, освященной традицией, привилегией) в рамках, зафиксированных «стариной». И покуситься на это их право верховная власть, связанная по рукам и ногам неразвитостью «жил власти», той самой институциональной слабостью, о которой говорилось

²⁶ *Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и форма*. СПб., 2001. С. 316.

²⁷ *Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 153.*

выше, не рисковала, поскольку осознавала, что в противном случае она легко может лишиться легитимности. К чему это могло привести на практике – ответ на этот вопрос дает судьба династии Годуновых и Лжедмитрия I.

Характерной чертой развития правовой системы и культуры Русского государства в раннее Новое время было двоеначалие, сосуществование и даже конкуренция²⁸ права обычного, «земского», и коронного, «княжого». При этом обычное право в глазах и самой «земли», и власти долгое время имело приоритет. Верша правосудие, судьи должны были неизбежно учитывать это, выбирая при вынесении приговора между Законом, который олицетворяли нормы «княжого» права, и Правдой, основывавшейся на «земском» праве. В этих условиях, когда верховенство Закона над Правдой было совершенно неочевидно ни для подданных, ни для властителей, говорить о процессах централизации в правовой сфере даже к концу XVI в. было бы преждевременно. Если и можно говорить о единстве закона на всей территории Русского государства, то, пожалуй, только в одной, процессуальной сфере (и отчасти – в уголовной, в той ее части, что касалась особо опасных преступлений – душегубства, татбы, разбоя и крамолы). Всё же остальное находилось во власти обычая, в результате чего правовое поле фрагментировалось как по вертикали (неотъемлемым элементом этой вертикали были иммунитетные права, которыми верховная власть щедро делилась и с «корпорациями», и с отдельными землепользователями, светскими и духовными), так и по горизонтали (действенность местных правовых обычаев подтверждалась верховной властью посредством разного рода жалованных грамот). В этих условиях общерусское законодательство развивалось медленно, эволюционным путем – верховная власть постепенно расширяла сферу своей юрисдикции, распространяя свое влияние на все новые и новые области, мотивируя эти свои действия, с одной стороны, необходимостью «реновации» «старины», а с другой – необходимостью же выполнения своего долга перед «землей» (в том числе и в качестве ответа на челобитья «снизу»). И на этом пути можно выделить два важнейших поворотных момента – пресловутые «реформы» так называемой «Избранной рады» в середине XVI в. и принятие Соборного

уложения 1649 г. В ходе первых область применения «княжого» права была существенно расширена, а одобрение спустя столетие Земским собором уложения, пусть и не всеобъемлющего, обозначила решающий поворот в деле создания действительно единого закона для всей страны (по крайней мере, большей ее части).

Библиографический список

- Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск : Наука, 1991. 240 с.
- Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 464 с.
- Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
- Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 65–90.
- Витлин В. Э. В поисках идеала : представления о власти государя в русской публицистике первой трети XVI в. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. 400 с.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 17–262.
- Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб. : Наука, 2005. 383 с.
- Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема. Postscriptum // Живов В. М. Разыскания в области истории и предисловия русской культуры. М. : Языки слав. культуры, 2002. С. 291–305.
- Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 256 с.
- Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в. : повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 648 с.
- Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М. : Наука, 1988. 696 с.
- Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2008. С. 365–382.
- Российское законодательство X–XX веков. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.
- Смирнов А. А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35.

²⁸ См., например: Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 155.

Стоглав. Текст. Словоуказатель. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 320 с.

Филиппов А. Н. Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. 1886. Год 7. 9. XIII. С. 56–71.

Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя : к вопросу о категориях политической практики // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. 2009. Вып. 2. С. 5–20.

Штаден Г. фон. Записки о Московии. М. : Древлехранилище, 2008. Т. I: Публикация. 582 с.

Barkey K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 342 p.

Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. London : Harper & Row, 1974. Vol. II. 1375 p.

Brewer J., Hellmuth E. Introduction // Rethinking Leviathan : the Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York : Cambridge University Press, 1999. P. 1–22.

Clanchy T. M. From Memory to Written Record. England 1066–1307. Oxford : Blackwell Publishers, 1993. 407 p.

Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 325 p.

Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Scribner R. W. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe. Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday / eds. E. I. Kouri, Tom Scott. London : Palgrave Macmillan, 1987. P. 103–120.

Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Oxford : Basil Blackwell, 1990. XI. 269 p.

References

Alekseev Yu. G. Sovereign of all Rus'. Novosibirsk : Nauka, 1991, 240 p.

Alekseev Yu. G. Campaigns of Russian troops under Ivan III. St. Petersburg : Publishing house of St. Petersburg University, 2007. 464 p.

Alekseev Yu. G. Sudebnik of Ivan III. Tradition and reform. St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2001. 448 p.

Bazilevich K. V. Experience of periodization of the history of the USSR in the feudal period // Questions of History. 1949. No. 11. P. 65–90.

Vitlin V. E. In search of the ideal : ideas about the power of the sovereign in Russian journalism of the first third of the 16th century. Moscow ; St. Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2021. 400 p.

Gurevich A. Ya. Categories of Medieval Culture // Gurevich A. Ya. Selected Works. The Medieval World.

SPb. : Publishing House of St. Petersburg University, 2007. P. 17–262.

Dyakonov M. A. Essays on the Social and State System of Ancient Rus'. St. Petersburg : Nauka, 2005. 383 p.

Zhivov V. M. History of Russian Law as a Linguistic Semiotic Problem. Postscriptum // Zhivov V. M. Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture. Moscow : Languages of Slavic Culture, 2002. P. 291–305.

Krom M. M. Birth of the State. Muscovite Rus' of the 15th–16th Centuries. Moscow : New Literary Review, 2018. 256 p.

Mikhailova I. B. And here all the kingdoms came together... Essays on the history of the sovereign's court in Russia in the 16th century : everyday and festive culture, semantics of etiquette and rituals. St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2010. 648 p.

Pavlov-Silvansky N. P. Feudalism in Russia. Moscow : Nauka, 1988. 696 p.

Petrov K. V. Did the Sudebnik of 1497 have the significance of law in its modern sense? (Regarding the article by S. N. Kisterev «The Grand Ducal Sudebnik of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century») // Essays on feudal Russia. Issue 12. Moscow ; St. Petersburg : Alliance-Archeo, 2008. P. 365–382.

Russian legislation of the 10th–20th centuries. T. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow : Legal Literature, 1984. 520 p.

Smirnov A. A. State of the fighting nation // Rodina. 1994. No. 9. P. 34–38.

Stoglav. Text. Word index. Moscow ; St. Petersburg : Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 320 p.

Filippov A. N. Folk customary law as historical material // Russian thought. 1886. Year 7. 9. XIII. P. 56–71.

Filyushkin A. I. Moscow neonatal empire : on the issue of the categories of political practice // Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History. 2009. Issue 2. P. 5–20.

Staden G. Notes on Muscovy. Moscow : Drevlekhranilishche, 2008. T. I: Publication. 582 p.

Barkey K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 342 p.

Braudel Fernan. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. London : Harper & Row, 1974. Vol. II. 1375 p.

Brewer J., Hellmuth E. Introduction // Rethinking Leviathan : The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York : Cambridge University Press, 1999. P. 1–22.

Clanchy T. M. From Memory to Written Record. England 1066–1307. Oxford : Blackwell Publishers, 1993. 407 p.

Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 325 p.

Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Scribner R. W. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe. Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday / eds. E. I. Kouri, Tom Scott. London : Palgrave Macmillan, 1987. P. 103–120.

Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Oxford : Basil Blackwell, 1990. XI. 269 p.

Адвокатская палата Белгородской области
Пенской А. В., адвокат
E-mail: apenskoj91@gmail.com

Bar Chamber of the Belgorod Region
Penskoy A. V., lawyer
E-mail: apenskoj91@gmail.com

Поступила в редакцию: 27.02.2025

Received: 27.02.2025

Для цитирования:

Пенской А. В. На пути к централизации: «двоеначалие» в русском праве и проблема создания общерусского законодательства во второй половине XV – конце XVI века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/50-58>

For citation:

Penskoy A. V. Towards centralization: «dual behavior» in Russian law and the problem of creating a national Russian legislation in the second half of the 15th – end of the 16th centuries // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/50-58>